

ДМИТРИЙ ЛЕКУХ

Летом перед грозой

НОМИНАНТ
НА ПРЕМИЮ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР»

5

ПЯТЫЙ РИМ

ДМИТРИЙ ЛЕКУХ

Летом перед грозой

Р О М А Н

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2017

УДК 82-311.2
ББК 84
Л 43

Оформление переплета М. Левыкина

Лекух Д.

Л 43 Летом перед грозой. Роман. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2017. — С. 384.

ISBN 978-5-9908266-3-2

Лето. Природа. Красота. Друзья. Рыбалка на Русском Севере. Но надвигается гроза. Что-то должно произойти... Что-то будет... Новый роман писателя и публициста Дмитрия Лекуха о последнем мирном лете перед войной в Донбассе, выдвинутый на премию «Национальный бестселлер» 2017 года.

УДК 82-311.2
ББК 84

© Лекух Д., 2017
© Издательство «Пятый Рим»™,
2017
© ООО «Бестселлер», 2017

ISBN 978-5-9908266-3-2

We're foot—slog—slog—slog—sloggin' over Africa —
Foot—foot—foot—foot—sloggin' over Africa —
(Boots—boots—boots—boots—movin' up an' down again!)
There's no discharge in the war!
Joseph Rudyard Kipling. «Infantry Columns»

Всем, с кем выпивали у ночного костра, посвящается

Пролог

...Вы можете спорить со мной сколько угодно, но на рыбалку из Москвы хорошо уезжать поздним вечером и непременно в дождь.

Я бы даже, наверное, сказал несколько по-другому.

Не «хорошо».

«Правильно».

Только вот следует помнить, что этот самый дождь тут далеко не всякий годится.

Тут нужен — особый дождь.

Такой.

Больной и мелкий.

Как раз такой, как и бывает на Севере, куда мы сейчас едем.

Такой, что — чем вот противнее, — тем лучше.

Когда, выгружая вещи из машины, сначала накидываешь на голову капюшон, чтобы не натекло за шиворот — все остальное-то еще терпимо, мы люди привычные.

Я и сам далеко не один раз, заблудившись в волжских камышах во влажных вечерних сумерках, просто оставался ночевать в лодке, накрывшись каким-нибудь подвернувшимся под руку брезентом: там, в этих извилистых «раскатных» протоках, в темноте никакой навигатор не поможет.

Ну.

И какой смысл тогда, простите, плутать?!

Накрылся брезентом, отхлебнул из фляги, высмолил горькую, волглую сигарету, прижался покрепче спиной к спине напарника.

И — дремли себе до утра.

Так что сам по себе дождь — это, опять-таки, прости-те, — фигня.

А вот за шиворот — это уже немного неприятно...

...Ну, а так, дождь — это даже и хорошо.

Мокрый, блестящий перрон.

Тяжелые плащи провожающих.

Какие-то тревожные девчонки в обязательных джинсах в обтяжку и кокетливых дождевиках, старательно и суетливо выпрашивающие, с головы или хвоста состава идет нумерация вагонов.

Тревожные огоньки и кислый дымок сигарет.

Хорошо...

...А еще лучше дожждаться, когда очередь перед проводницей внезапно переместится внутрь.

Не торопясь, со вкусом, докурить скукожившуюся от влажности сигарету.

Затащить рюкзаки и тубуса со спиннингами в неожиданно светлое и чистенькое после мокрого перрона купе.

Рассовать их повсюду так, чтобы не мешались.

Вынуть из сумки холодное, запотевшее пиво, чокнуться с мужиками и сделать первый, самый вкусный, глоток.

Ну...

...За рыбалку!

Поехали...

— Валерьяныч! — Славян отрывается от горлышка, шумно выдыхает, вытирает предательски выступающий на лбу пот. — Ты домой звонить будешь? А то моя уже спать, наверное, легла. Прямо сразу, как я только в машину погрузился. Ну, ребенок маленький, сам понимаешь. Будить, короче, не хочу. А утром она наверняка твоей Инге звонить будет. Ну, хотелось бы, чтоб она передала, что у нас все в порядке...

— А смс ей кинуть как, не алё?! — фыркает, округляя глаза, Глеб Ларин. — Или у нас тысячелетье на дворе на предыдущее переехало? Или ты у нас интеллектуально

неполноценен, Вячеслав?! Или еще что?! Так подсказываю. Проснется — прочитает.

Славка хлопает себя по недавно протертому лбу и, схватив со столика телефон, убегает: писать, видимо.

Глеб же продолжает так же невозмутимо и старательно раскладывать по соответствующим персональной вагонной полке персональным ящичкам всякие необходимые, с его непробиваемой точки зрения, на предстоящие полтора дня пути мелочи.

Одну к другой.

Пиво он пока даже и не трогал.

Только открыл.

Вот разложится, переоденется в «дорожное», — тогда только и отхлебнет.

Аккуратист.

В этой его неумолимой последовательности и поступательности мне иной раз видится что-то весьма зловещее.

И временами даже некоторым образом inferнальное.

Или даже — тьфу-тьфу-тьфу, — маньячное.

Страшный, в сущности, человек.

Как, впрочем, и любой, в общем-то, порядочный финансист...

...Я делаю еще один глоток, вздыхаю, накидываю куртку, засовываю в карман телефон и пачку сигарет и отправляюсь на перрон курить.

Заодно и жене позвоню без посторонних.

И тут мешаться никому не буду.

До отправления скорого фирменного поезда № 016 А «Москва — Мурманск» «Арктика», отбывающего с Ленинградского вокзала столицы в ноль часов сорок три минуты по Москве — еще пятнадцать минут...

Глава 1

...В этих новых поездах я всегда пропускаю момент отправки.

В старых — там все было понятно.

Состав сначала дергался, потом раздавался лязг сцепок. И только после этого начинали вращаться колеса.

А теперь — вот только-только стояли, а теперь перрон уже уплывает назад все быстрее и быстрее, и ты, чисто от неожиданности, случайно давишься пивом и только потом внезапно осознаешь, что ты уже, в общем-то, — в пути.

— Ну чего, — спрашиваю, — Славян, жене смс отписал?

— Отписал, — хмыкает, натягивая узкую «домашнюю» футболку.

Футболка смешно цепляется за жесткую рыжую щетину, которую Славка отчего-то с гордостью называет бородой, поезд покачивается на стыках, какие-то нитки с внутренней стороны попадают ему в рот, он отплеывается.

Выглядит, кстати, при этом, — все равно абсолютно шикарно.

Невысокого роста, сухопарый, изящный, с отлично прорисованной мускулатурой и коротко стриженной, но, все равно видно, что отчаянно густой рыжеватой шевелюрой и удивительно удачно разбросанными по сухощавой физиономии неяркими аристократическими веснушками.

Челюсть, естественно, чуть тяжеловата и соразмерно выдается вперед.

И не скажешь, что корнями не с Туманного Альбиона, а из глухого саратовского села.

Я, по крайней мере, со своими тяжеловатыми мышцами и, несмотря на чуть ли не ежедневные занятия в спортзале, все серьезнее прорисовывающимся животом, — рядом с ним, в самом лучшем случае, — разночинец.

И то исключительно до той поры, пока хотя бы относительно трезв...

— Она мне сразу же и перезвонила, — фыркает. — Говорит, не смогла уснуть. Ждала звонка. Могла бы и предупредить, мне-то откуда знать, что у нее в мозгах?! Сложно с ними. Сиськи отрастят, а с головой один черт проблемы...

...Ну, тут он, положим, — неправ.

Мозги у его жены имеются.

Вполне.

А что дурит слегка — так это понятно. Второго ребенка заводить сейчас вообще, наверное, непросто.

Особенно если после сорока.

Про третьего — я уж и не говорю...

...Хотя его Ирке дать сорок может только человек, очень хорошо разбирающийся в женском возрасте: ухоженная девочка, только чуть заметные морщинки возле слегка узковатых и немного брезгливо оттопыренных губ и позволяют догадаться, что ей, скажем так, «немного поболее тридцати».

Молодец.

Но это я что-то отвлекся...

— Выпивать-то, — спрашиваю, — будем?!

Мужики довольно ухмыляются:

— А то...

...Накрывать стол, будь то пенек где-нибудь на лесной поляне у шикарной речки, в тайге, или, как сейчас, пошловатый пластиковый столик вагонного купе, — Глеб не позволяет никому и никогда.

Не потому, что ему так нравится нам еду на стол накрывать, просто иначе — порядка не получится.

А это — нехорошо.

Короче.

Сначала он достал контейнер с отварной молодой картошкой, еще теплой, чуть политой нерафинированным подсолнечным маслом и обильно посыпанной свежим зеленым укропом. Отдельно, для любителей, вынул еще один контейнер, — с твердой деревенской сметаной.

Открыл.

Понюхал.

Протянул:

— У-у-у...

Выложил в пластиковую миску, предварительно развернув из фольги, собственноручно отваренный говяжий язык.

Украсил миску, — отдельно, с краю, — пятнами: желто-коричневым злой деревенской горчицы, темно-коричневым не менее злой «домашней» кавказской аджики.

Белым — крупного помола соли.

Зеленым васаби.

И, наконец, характерно-красноватым — хреном со свеклой.

Устроил на салфетке вдоль окошка зеленые, тщательно промытые перья молодого лука и чеснока, на отдельную миску положил домашние котлеты с чесночком, сделанные в дорогу моей женой, еще на одну бросил порезанные крупными ломтиками свежие огурцы и помидоры, разбавил редиской.

Оставшуюся пластиковую миску загрузил несколькими видами приобретенных на рынке солений и принялся не торопясь, тоненькими лепестками резать копченое и соленое белорусское сало.

— Валерьяныч! — командует. — Наливай!

— Не понял?! — выгибаю вверх левую бровь домиком и лезу в дорожный холодильник за пузырем. — Достать-

то я ее, Глебушка, достану, разумеется. Раз уж она у меня. А вот разливать — тут и помоложе есть...

— О-о-о! — дразнится, чуть подквохтывая, Славян, которого Глеб усадил чистить от скорлупы сваренные вкрутую яйца. — Нашел молодого, да. А яйца кто чистить за меня будет?! Пушкин?! Или сам, понимаешь, граф Лев Николаевич Толстой?!

Ну да.

«Срезал» один такой.

— Яйца, — успокаиваю его, — тоже будешь чистить ты. Зачем напрягать классиков великой русской литературы?! К тому же, ты их уже почистил. А традиции — нарушать нельзя. Видишь, я уже и бутылку достал. А рюмки, кстати, — где-то там, у тебя...

Он хлопает себя по лбу и лезет куда-то вниз, под столик, за рюмками, бодая головой по очереди сначала уже, к счастью, убравшего острый как бритва рыбацкий нож Глеба, а потом и сам столик.

Глебушка на это никак не реагирует и не отвечает.

Столик — к счастью, тоже.

Славян что-то мычит, вынимает все-таки рюмки, расставляет их поухватистее.

Потирает ту ушибленную часть тела, где у нормального человека должна быть голова, потом со вздохом берет емкость, сворачивает пробку и, наконец-то, не спеша принимается разливать...

Глава 2

...Мы, кстати, уже далеко не первый год вместе на рыбалку ездим.

Точнее — на рыбалки.

Они у нас, так-то, вполне себе даже и разные.

Глеб, так тот вообще большую часть времени не «нормальный» человек и рыбак. А, простите, «водоплавающий».

Ну, — подводный охотник, в смысле.

Дайвер.

Ему нужны колки в «раскатах» или неглубокие прозрачные приямки в извилистых протоках дельты Волги.

А Славка — «джигит», — судачатник, предпочитающий ловить на глубинах, на «большой воде».

Где Глебу делать, к примеру, в свою очередь, ну совершенно нечего.

А еще они родственники (Глеба женат на славкиной сестре) и близкие друзья...

...Ну, а я в этом смысле — вообще существо всеядное.

С одной стороны, и в дельте могу щучку с удовольствием погонять, и жереха по протокам из-под «каршей» повыдергивать.

Но и «джиг» тоже покидаю.

Вполне.

С нашим, что называется, на то полнейшим, надо отметить, удовольствием...

...Так что ругаемся, как вы и сами понимаете, постоянно.

Но вот только — не сейчас.

Эта вот конкретная рыбалка — она в этом, да и не только в этом, плане — совершенно особенная.

Вот уже, считай, несколько лет в одно и то же время и по одному и тому же вполне себе конкретному маршруту.

Кольский полуостров.

Семга...

...Даже — распорядок уже отлажен.

В поезде, к примеру, — берем купе на троих.

На двух нижних полках мы с Глебом, на одной из верхних полок Славка, как самый молодой, а на другой — не вместившийся под нижние полки багаж. Его в таких экспедициях требуется — ой, много...

Ну, а в такой конфигурации — вполне просторно.

И, опять-таки, никого постороннего за столом...

...Вздروгнули.

Первые три — по пятьдесят.

Потом дозы уменьшаться будут.

Ровно вдвое.

Торопиться нам, в принципе, некуда: впереди две тысячи верст только по железке, до Кандалакши.

А потом еще будут три часа на микроавтобусе по асфальту и шесть-семь точно таких же полноценных часов безумной тряски по лесному бездорожью на «шестьдесят шестом», не считая остановок для перекуров, перекусов и прочего фотографирования.

Время, — так что пока что есть.

Ну, а тогда давайте, мужики, — по первой...

...Выдохнули.

Закусили.

Вкусно так закусили, как всегда бывает в начале долгой поездки на поездах, в начале отпуска, когда нестарые еще мужики внезапно ощущают себя хотя бы на какое-то время свободными.

Точнее, — эту самую свободу предошущают.

Самым краешком.

Почувствовать ее, увы, получается не всегда...

— Славян, — удивляюсь, — что-то ты там неправильно так долго ковыряешься. Разливай давай. Да и закусь-ваешь как-то вяловато. Случилось, что ли, что?

Славка вздыхает.

— Да сам не пойму, — откручивает пробку на горлышке. — Депресняк какой-то лютый в последнее время. Вроде бы и все хорошо, а — нехорошо. Ну, просто совсем нехорошо. Даже и не знаю, что со всем этим делать. Может, сейчас получится разобраться. На рыбалке, в смысле. Там думается привольно...

Я киваю.

Лезу в карман, достаю электронную сигарету, делаю пару затяжек.

Ну да.

Не совсем замена нормальному куреву, конечно.

Но хоть что-то, а то в тамбур идти как-то лениво.

А скоро и вообще курение в поездах полностью запретят...

— Ну да, — соглашаюсь со своими же, кстати, мыслями. — Думается, там действительно классно. Мне однажды здорово помогло...

...Это уже больше десяти лет назад было.

Я еще тогда бизнесом активненько так занимался.

Да какой там — «десять лет».

Почти пятнадцать.

От меня тогда как раз в очередной раз Инга ушла...

Глава 3

Валерка

...У нас с Ингой раньше все ссоры происходили приблизительно по одному и тому же сценарию. Настолько хорошо знакомому, что даже сама по себе ругань не вызвала никаких особых эмоций.

Рутина.

Допустим, я что-нибудь не то брякну или сделаю. Или она приедет откуда-нибудь заведенная, наорет.

Я огрызнусь, причем повысив тональность.

И — пошло-поехало...

А мирились всегда — очень тяжело.

Гордые.

Оба.

И так — почти одиннадцать лет, пока она от меня не ушла.

Я здесь не буду описывать, через какой ад пришлось пройти, чтоб ее вернуть. Не место и не время.

В конце концов, каждый из нас имеет право на свою личную жизнь, верно?!

Но вот к ссорам и прочей ругани мое отношение после всего этого изменилось — самым что ни на есть кардинальным образом. Я их стал бояться и избегать. Вижу, допустим, что человек заведен до белого каления, а помочь ему ничем не могу, — ну, значит, и — на фиг.

Куртку одел и в паб.

К парням.

Там пересидишь чуть-чуть, и — либо она позвонит, либо, когда сам ее наберешь, уже по голосу сразу же ста-

новится все понятно: стоит уже возвращаться или имеет смысл пройтись еще по пинте «Гиннеса».

Но в тот раз — все-таки не увернулся, не успел.

Пособачились.

В общем, собрала она вещички — и опять к подруге.

Я, естественно, подруге перезвонил.

— Как она там? — спрашиваю.

— Не лезь пока, — отвечает. — Не знаю уж, кто у вас в этот раз прав там или не прав, но пусть девчонка успокоится. Успокоится — тогда и поговорите.

— Понял, — говорю. — Пережду. Она как отойдет, ты мне перезвони, ладно?

— Естественно, — фыркает. — Не в первый раз...

Вот и переговорили...

Блин.

Ну, ночь я как-то еще туда-сюда переверочался, а утром, на работе, — вдруг такая тоска навалилась, что — либо напиться надо, либо — сразу пулю в висок.

Нет, думаю.

Так не пойдет.

Надо что-то делать.

Пошел в кабинет к заму.

— Олег, — мямлю. — Ты меня недельку не подстрахуешь?

— Подстрахую, — отвечает. — Опять, что ли, с Ингой пособачился?

— Угу.

Он ржет:

— Ну, это у вас — перманентное. Я раньше за тебя каждый раз боялся, теперь уже перестал. С тех пор, как она тогда вернулась. Ты даже как-то добрее стал. Видно, что изменился. Значит, все в порядке будет...

— Ты, — говорю, — только насчет моей доброты клиентам никому не брякни. Они добрых любят. Так любят, что с говном сожрут, чуть слабину отпустишь...

— Это да, — вздыхает. — Куда собрался-то? Опять под Астрахань? Или в Карелию?

— В Карелию, — говорю решительно. — Я это, когда ты вопрос задавал, понял. До этого в дельту собирался, под Астрахань.

— Вали, — ржет. — Всем только спокойнее будет. И мне, и тебе. И Инге, кстати...

Так, думаю.

Полдела сделано.

Теперь надо сообразить, кого в попутчики брать. Обычная наша рыбацкая компашка не подойдет: и сорваться вот так внезапно никто не сможет, и за трофеями я сейчас гоняться не собираюсь.

Мне бы — посидеть, подумать.

На закаты посмотреть...

Значит, надо Руслану звонить.

Без вариантов.

Славян с Глебом только-только с Камчатки вернулись, значит, совершенно точно не подорвутся.

Итого — только Руслан...

...Набираю:

— Привет, Русланыч. Херово все у меня...

Слышу — сопит в трубке:

— Опять с Ингой проблемы?

— Угу.

— И что предлагаешь?

— Давай, — говорю, — в Карелию маханем?

Молчит, сопит.

— Ну, так что?

— Блин, — взрывается. — Валер, ты можешь людей не так часто своими проблемами грузить? Ну, так, хотя бы вполовину. Во-первых, поздно, там уж совсем осень. Во-вторых: кто ж меня с работы-то отпустит?!

— А ты попробуй, — вздыхаю, — может, и получится что...

— Хорошо, перезвоню...

И трубку повесил.

А я секретаршу попросил кофе сварить.

И рюмочку коньячка сварганить, под лимончик.

Оттягивает, знает ли...

...Не успел сигарету после коньяка выкурить — мобильный звонит.

Руслан.

— Блин, — говорит, — горелый. Я уж совсем было собрался, ходил к шефу, работы-то сейчас не так много, а он меня на фиг послал. Сиди, говорит, в конторе, думай над будущими материалами...

— Руслан, — говорю, — а ты не гонишь? Может, просто ехать неохота?

Обиделся:

— Охота — неохота, — какая разница. Друзей у меня не так много...

Согласен, думаю.

— А что он на тебя взъелся-то?

Сопит.

— Рус, — говорю. — У тебя что, тоже проблемы какие-то?

— Да какие проблемы, — отвечает. — Просто шеф у меня мудака. Ему кто-то звизданул, что меня на его место рассматривают, вот и гнобит. Нужно мне его место, ага. Я журналист, а не чиновник — бумажки перекладывать. Я снимать люблю, а не руководить...

— Ща, — говорю, — попробую что-нибудь придумать. Перезвоню потом, ага?

— Ну, перезвони. Хотя с дураками и дорогами в России борьба уже знаешь сколько ведется?! Вот. И у тебя тоже вряд ли так быстро получится...

Тут я, уж извините, — хмыкнул:

— Ну, — говорю, — со всеми дураками в России мне точно не справиться, я деньги делаю, а не за высокое и светлое борюсь. А с одним отдельно взятым — почему бы не попробовать...

Отключился и тут же другой номерок набрал.

Есть у меня один добрый знакомый...

— Привет, — говорю, — дядя Федор, как поживаешь?

— А! — орет. — Пропащая душа! Я уж и не надеялся, что позвонишь, хотел уж Инге выволочку сделать, что забыли друзей своих...

— А вот этого, — говорю, — не надо делать ни в коем разе. Поссорились мы.

Молчит.

— Опять ушла, что ли?

— Опять, — говорю, — Федь. Нет, вроде как — не навсегда, бытовуха обычная, но — есть проблемы...

— Ну, и что делать будешь?

— Сначала помирюсь, потом свалю куда-нибудь. На время, чтобы остыла. Да и в себе разобраться надо.

— Понял, — вздыхает. — Опять на рыбалку куда-нибудь? Может, лучше нажремся?

— Федь, — вздыхаю в ответ. — Если мы с тобой нажремся, это опять закончится в лучшем случае — казино, в худшем — баней с девками, которые, как ты знаешь, меня совершенно не интересуют. Я жену люблю.

Он некоторое время молчит.

Думает.

— Станный ты, — говорит наконец, — Валерьяныч. Я вот жену тоже люблю, но девки меня как раз очень даже интересуют. Ну, да ладно, тут уж у каждого Абрама своя программа. А вот что тебе от меня надо-то?! Никогда не поверю, что ты мне просто так позвонил, акула капитализма хренова...

— Нда, — говорю. — Если я акула, то ты тогда кто? Кашалот, не иначе. А дело у меня к тебе и вправду есть...

— Ну, так излагай...

— Излагаю. У тебя на Канале такой парень работает, слышал? — и называю русланову фамилию.

— Слышал, — удивляется, — конечно. Один из лучших наших ребят. И то, что ты с ним дружишь, тоже знаю. В чем проблема-то?

Ну, объяснил ему ситуацию.

Дядя Федор задумался.

— Перезвони-ка мне через полчаса...

— Хорошо, — говорю. — Перезвоню.

И — действительно перезвонил.

Поблагодарить.

Потому как перед этим мне перезвонил Русланыч...

— Слушай, Валерьяныч, — удивляется. — Что ты такое с моим шефом сделал?! Я тоже так хочу уметь! Нарисовался счас, такой весь добрый, пушистый, ласковый. Говорит, подумал, понял, что ошибся. Ну, и прочую мутьотень...

Нда, думаю.

Ну и мразь же твой шеф...

— Короче, — морщусь. — Сколько он тебе дал?

— Аж десять дней! Причем — не из отпуска, а как отгулы за переработку! У нас в отделе такого уж года три как не было!

— Вот видишь, — смеюсь, — А ты говоришь — с дураками справиться невозможно. Ольгу-то предупредил?

— А то! Не могу сказать, что она от счастья фонтанировала, но — поняла, скажем так. Когда выезжаем-то?!

— Сегодня, — говорю решительно. — В ночь. Билеты сейчас закажу, через часок, думаю, привезут. Только вот один звонок сделаю...

Совершенно честно, я в таких ситуациях очень боюсь своего телефона.

Но звонить-то все равно надо...

...Набрал номер.

— Привет, — говорю, — Ингусь. Ты как?

— Привет, — отвечает.

Голос холодный.

Хреново.

— Знаешь, — вздыхаю. — А я извиняться звоню.

— За что?!

— Да хрен его знает, за что, — отвечаю совершенно честно. — Но чувствую, что надо. Плохо мне без тебя...

— А мне без тебя хорошо, — злится.

Молчу.

— Правда, извини. Я же обещал, что рецидивов не будет, а вон как вышло...

Тишина.

— Ты, правда, прости. И езжай домой. Я сегодня ночью в Карелию уеду, так что не загружу...

Молчит.

Потом — тоже вздыхает.

— Какой же ты у меня все-таки идиот, Валер. Ты почему решил в Карелию сбежать?! Чтоб я дома спокойно пожила и подругу не нагружала?!

— Да нет, — объясняю. — Я ж понимаю, что в этот раз у нас не «развод», а просто сорвались. Просто и тебе надо от меня немного отдохнуть, и мне голову в порядок привести... Ты же знаешь, мне — помогает...

Молчим уже оба...

— Может, мне с тобой поехать?

Я аж опешил...

— Солнце мое... это — то, что я больше всего хотел услышать... но — не верил... даже мечтать не мог... И, тем не менее, наверное, не стоит. Я такую глушь сейчас заказал, там — ни горячей воды, ни электричества. Плюс — дожди, осень же, а там — Север...

— Я — сильная...

— Инга! Ты сейчас кому про это рассказываешь-то?! Сколько лет вместе. Но — дело не в силе. Просто... Ну, понимаешь, если ты там раскапризничаешься из-за быта — это нас обоих еще хуже загрузит. Согласна?!

Молчит.

Но уже по-другому.

Думает.

Почти как дядя Федя минут двадцать назад.

Наконец вздыхает:

— Наверное, ты прав. Один едешь?

— Нет. Руслана уговорил.

— Руслана?! Это хорошо. Правильный парень.

— Правильный, — соглашаюсь. — А ты, если вдруг все же решишься — подъезжай под конец. На пару дней, не больше.

— Да нет уж, — фыркает. — Я лучше и вправду с Ольгой, женой руслановой, по киношкам пошляюсь. Или — в Прагу с ней слетаем на выходные. Вы же — надолго?

— Да дней на десять.

— Ну и валите. А мы и вправду в Прагу. Башку себе прочистишь — опять человеком станешь. Хоть и не навсегда...

— Угу, — говорю. — Ты знаешь, — я тебя так люблю...

— А я тебя — нет.

Но по голосу понимаю — уже опять любит.

У нас всегда так...

...Короче, уже этим же вечером мы с Русланом опрокидывали в СВ рюмки под неизбежную дорожную курицу.

И это было абсолютно правильно.

В Кеми, куда мы приехали через сутки, нас встретили ребята из местной туристической фирмы.

Довезли до Калевалы, поселили в гостинице.

А утром погрузили в уазик-«буханку» и повезли на заимку, где нам и предстояло провести ближайшие восемь дней...

...Егерь на таежной рыбалке в незнакомых местах — это, наверное, самое главное. Перекаты эхолотом не промеряешь, есть там хариус или нет — не угадаешь. Если ты, конечно, не спортсмен-нахлыстовик с нереальным опытом.

Мы же — так, любители.

Даже и не спортсмены.

Ставить перед собой на рыбалке спортивные цели мне, например, просто противно.

В эдакую красотищу тащить с собой конкуренцию, по моему, даже не глупо.

Подло.

Этого добра лично мне и на работе вполне хватает.

Поэтому — лотерея.

Повезет с егерем — отлично.

Не повезет — пусть лучше у костра сидит, пока ты по перекатам скачешь. Потому как ни одна рыба не достойна испорченного на фиг настроения.

А на уху мы себе всегда и без всякого егеря наловим.

Не первый год на воде...

...С Валеркой мне в этот раз — абсолютно точно — повезло.

Тезки опять-таки.

В общем-то, и Русланыч на своего егеря тоже не жаловался, но мне вот тут уж вот точно по-настоящему повезло.

Представьте себе еще довольно молодого, но уже абсолютно немногословного карела. Не получится — представляйте себе точно такого же финна. С моей дилетантской точки зрения, не очень-то они друг от друга и отличаются.

Чаще всего я от него слышал только одно слово:

— Так.

Абсолютно универсальное, надо сказать, слово.

— Валер, уху заварить?

— Так.

— Валер, где сейчас хариус стоит, в начале порога или на выходе?

— Так, — и взмах руки в нужном направлении.

— Валер, а грибы уже отошли, или можно еще набрать на супчик?

— Так.

И молча уходит в лес, откуда через полчаса возвращается с пакетом, доверху набитым белыми.

Я, в общем, грибы собирать умею и люблю, но — на самом севере Карелии, почти на границе с Кольским, в конце сентября...

Еще неделя-другая, и снег ляжет.

До весны...

...В общем, — повезло.

Молчит, помогает, думать не мешает...

От рюмки не отказывается, но — в меру.

Найдите мне еще, пожалуйста, пару-тройку уверенно знающих свою меру финнов, и я на них женюсь.

На всех скопом.

Вот — то-то же...

...А потом он неожиданно кинулся на меня с ножом.

Дело было так: обычные капризы осенней северной погоды.

То весь день льет мелкий противный дождь, то вдруг яркое, почти летнее солнце и жарко: не то что в куртке, но даже и в свитере. Особенно когда с камня на камень в вейдерсах по перекаату прыгаешь.

Вот и в тот день низкие тучи неожиданно разошлись, вышло солнышко, лес засиял скудным северным золотом, вода — небесной голубизной, по которой время от времени начинали гулять тихие, ровные круги.

Это выходил кормиться к поверхности рыбий король этих мест — крупный европейский хариус.

Вот я и разделся до безрукавки.

Поставил на спиннинг поплавок-сбирулино, прицепил на поводке крупную муху, и — вперед.

За полчаса наловился так, как до этого за всю поездку.

Валерка все это время на меня смотрел.

А когда я взял садок с наловленными для ухи и копчения крупными харюзамы, аккуратно поставил хрупкий «лайтовый» спиннинг у золотой от солнца и осени берез-

ки и подошел к костру, у которого он сидел, он кинулся на меня с ножом.

Хорошо, что у меня в такие секунды мозг не работает. Тело само по себе решения принимает.

Пропустил, взял на прием, швырнул в сторону.

Нож, правда, выбить не удалось, только руку порезал.

Но несильно.

Гляжу — лежит, лыбится.

— Ты чё, — интересуюсь, — парень? Совсем сдурел?!

А он — продолжает мне улыбаться.

И лицо такое хорошее.

Ну, думаю, — кабздык.

Попал.

Кругом — Северная Карелия, тайга, ближайшая деревня с телефоном в восьмидесяти километрах.

И то если по прямой.

И я — наедине с сумасшедшим егерем с ножом в руках.

Отдохнул, называется...

...Ну, он поднялся, присел на камушек.

Нож в землю воткнул.

Улыбается.

— И правда, — говорит, — спецура. Так. А почему портачка неправильная?

— Ты о чем? — удивляюсь.

— О ней, — отвечает.

И показывает на мое правое плечо. Там из-под майки моя древняя армейская блажь вылезла.

Татуировка.

Летучая мышь в лихо сдвинутом на бок десантном берете.

И надпись.

Цифрами.

Служил я там, что уж тут поделаешь.

Давно.

— Ну, — хмыкаю. — И что же в ней такого неправильного?

Жмет плечами.

— Я, — говорит, — видел ребят из сто семьдесят седьмого. Так. Это полк, а не отряд. И эмблема у них — немышь. Волк...

Я аж на камешек сел.

Твою мать...

— Парень, — спрашиваю, — а ты в каком году служил-то?!

— Да вот, — отвечает, — год как на дембель пришел. Так.

Потом подумал и добавил:

— Из Чечни...

Вот ведь блин.

Полез в карман, достал сигареты.

Прикурить, наверное, с минуту не мог.

Руки тряслись.

— Так ты, — говорю, — из-за этого, что ли, на меня с выкидухой кинулся?!

Кивает.

— Так.

— Парень, — говорю, — ты что, совсем тупой?! Эта, как ты говоришь, «портачка» сделана почти двадцать лет назад! В Газни. Не в Чечне. За речкой. В Афгане, мать твою, если не понимаешь. И откуда мне, блин, знать, есть ли сейчас сто семьдесят седьмой полк «с волчьей мордой»? Я про свой-то отряд не знаю, есть он сейчас или расформирован к такой-то матери. Столько лет-то прошло...

Сидит.

Молчит.

Смотрит.

А потом вдруг встает, прыгает в нашу лодку, которая перед входом в порог стояла, заводит мотор и уезжает.

Ну, думаю, — совсем беда.

Вокруг — тайга, речка порожистая, этот придурок свалил.

Не пропаду, конечно.

Огонь есть, соль есть, воды — сколько угодно. Я всегда в тех краях воду из рек и озер совершенно спокойно пью.

Не очень много таких мест у нас в стране осталось.

К сожалению.

Вон харюза свежевывловленные лежат.

А вечером Русланыч наверняка поймет, что что-то не так, найдут меня со своим егерем. Приблизительно видели, куда мы пошли.

Разберется.

А все равно — неприятно...

...Докурил сигарету, тут же прикурил следующую.

Вдруг слышу — мотор.

Ну, думаю, самое главное, — это чтоб он ружья с собой не прихватил.

От местного, да, к тому же, прошедшего неплохую армейскую школу человека, — мне здесь не уйти.

И возраст уже не тот, и форму подрастерял, и каждую складку рельефа, в отличие от него, здесь выросшего, не знаю.

Нож с пояса снял, положил под руку, прикрыл курткой.

Если сразу стрелять не будет и подойдет поближе — может, успею попасть.

А там — посмотрим.

...А вот и лодка из-за поворота показалась.

Точно, он.

Подлетел, мотор поднял, якорь на берег кинул, выпрыгнул.

В руках, к счастью, — не ружье.

А такая здоровенная, литров на пять, бутылка местного мутного самогона.

И пакет еще какой-то.

Похоже, что закуска...

Ну-ну...

...Подошел, бутыль поставил, сел на соседний камень, пошевелил палкой костер.

— Извини, — говорит.

— За что?! — спрашиваю.

— Подумал о тебе неправильно. Плохо подумал. Давай выпьем?! Так?!

Я пожал плечами: а отчего бы и вправду не выпить?

Мне сейчас совершенно точно не повредит.

Может хоть в себя немного приду, после всего этого дурдома.

Так...

...Эту историю он мне рассказал, когда мы доели уху, а бутыль опустела уже почти что на четверть.

Ни до, ни после я ни разу не видел его таким много-словным.

— Нас тогда только-только из Краснодара туда командировали. Я сапером был в десантуре. Сержант. Старший. Так. Ну, приехали, стоим. Так. А тут приказ — по машинам и вперед. «Чехи» в село недалеко вошли. Надо гасить. Так. Окружили. Блокировали. Так. Нам — «Вперед». Так. А какой «вперед», когда мы первый раз на войне, а «чехи» стреляют — даже головы не поднять?! Ну, вошли на окраину. Так. Они совсем плотно бьют. Я по рации — сержант такой-то, помогите. А мне — парень, ты зачем сюда приехал? Умирать?! Вот иди и умирай! Пошел. Так. Потом что-то рядом грохнуло, я и вырубился...

...У меня до сих пор перед глазами эта картина. Может, он хорошо рассказывал, может — я его хорошо понимал.

А может — самогон помогал работать воображению.

Так тоже бывает.

А может — все вместе взятое.

Но я очень хорошо представлял и представляю, как он пришел в себя ночью на горе раздетых и заминированных трупов своих друзей. Как понял, что ранен

в левое плечо и рука просто не действует. Как аккуратно разминировался одной правой рукой, как убивал булыжником стоявшего к нему спиной чеченского мальчишку-часового. Как понял, что не может взять его автомат, потому что левая рука совсем не действует. Как подобрал гранату и, шатаясь, побрел в сторону окраины села — к своим.

Как его, полуголого и шатающегося, окликнули:

— Ты кто?

Как он стоял и думал, что сказать на это в ответ.

Долго думал, могли бы, наверное, и убить.

Как сказал:

— Я — русский солдат. У меня граната на боевом. Если вы «чехи» — лучше стреляйте сразу. Так. Живым не дамся, и вас убью...

Как к нему подбежали, как осторожно освобождали гранату из скрюченных пальцев. Как потом, в госпитале, ему вручили Орден Мужества и вычли из денежного довольствия сумму за утрату оружия...

— Валер, — говорю. — Ты же — карел. Гордишься этим, как я понял. Что ж тогда говорил, что «русский солдат»?

Он задумался, пуская кольцами дым своих дешевеньких сигарет:

— Это я здесь карел, — говорит. — Там я был русский солдат...

Потом подумал и добавил:

— Так.

Я молча взял бутылку и разлил самогон по стаканам.

Над нами горел невозможный карельский закат. Шумел порог на фантастически красивой реке Писта. Русланыч со своим егерем уже наверняка вернулись на заимку, и он крыл меня последними словами, потому что на вечер была заказана баня, которая остывает.

Где-то далеко меня ждала моя Инга.

Ждала работа, ждали друзья, ждала неизменная компания в пабе.

Я понял, что пора возвращаться.

Мы выпили еще по одной, сели в лодку, и Валерка завел мотор...

Глава 4

— Валерьяныч, — слышу. — Эй, Валерьяныч! Ты там чего, совсем в себя ушел?! Хватит водку-то греть!

Я фыркаю.

И вправду, наверное, хватит.

«Валерьяныч» — это, кстати, не отчество.

Это — имя.

Валерьян.

Хотя я лично, сами понимаете, предпочитаю Валеру.

Дедушка удружил, пламенный революционер, в честь своего старого партийного друга Валерьяна Куйбышева, не к ночи будь помянут. Причем, дедушку я помню, нрава он был крутого, и перечить родители не осмелились.

А я — страдай.

Ну, а потом был вообще ад: когда за мной закрепилось прочное «Валерьяныч» или еще того хуже: «Валерьянкин».

Теперь-то привык уже, конечно, — а в молодости бесился — невероятно...

— Во! — радуюсь. — Давайте и вправду выпьем. И — за то, что мне тогда помогло. И — за то, что Славяну сейчас поможет. За рыбалку, в смысле. Ура!

— Ура! — кивает Глеб.

— Ура! — вяло улыбается Славка.

Ура...

Выпиваем.

Закусываем.

— А что, не помогло, что ли?! — щурится Славян. — И с Ингой у вас с тех самых пор вроде хоть относительный, но порядок. И вообще ты после той поездки какой-то немного другой стал. Какой, точно сказать не могу, но ты мне таким нравишься гораздо больше.

Я вздыхаю.

Ничего себе, думаю.

Я думал — это только я сам заметил.

Ну, может, еще жена.

А оно — эвоно оно как...

— Да нет, — говорю. — Помогло, наверное...

— Ну, — смеется Глеб, — тогда за вышесказанное. Как говорили наши предки, господа гвардейские офицеры, между второй и третьей пуля не должна успеть просвистеть. Славян, разливай!

Смеемся уже вместе.

— А вот ведь еще что самое интересное, — недоумевают Славка, протягивая руку к бутылке, — вот ведь вообще никак эта депрессия с событиями в реальном мире не связана. В любой момент накрыть может. Когда, к примеру, с ребенком гуляешь. Или контракт подписываешь. Меня тут однажды, кстати, прям именно в такой момент и накрыло: надо подпись ставить, полгода этот договор у поставщиков выбивал. А — не могу. Просто, понимаешь, физически не могу. Предложил контрагентам отметить, пригласил секретаршу, попросил виски принести. Накатили с ними грамм по двести, только тогда и созрел. И то руки тряслись, черт его знает, что обо мне эти ребята подумали...

Я фыркаю.

— Бывает, да. Я, помню, когда еще бизнесом занимался, меня прямо по дороге накрыло, по пути на совет директоров. Выскочил на перекрестке из машины да и пошел куда глаза глядят. У водителя — когнитивный диссонанс, естественно, на грани истерики. Хорошо еще, что сообразил, что дергать меня не надо, пере-

строился в правый ряд да и ехал за мной потихонечку. Почти полтора километра, пока у меня кукушка на место не встала. Я тогда, кстати, и понял, что, наверное, пора завязывать. Всех денег не заработаешь, а нервная система — одна...

— Нежные вы, гляжу, какие, — хмыкает Глеба. — Мне вот как-то всегда не до того было. То семью кормить надо, то дом строить, то, сейчас вот Игоряну квартиру пришла пора покупать, на третий курс пацан перешел. Не до тонкости переживаний, короче.

Я снова достаю из кармана электронную сигарету.

Делаю пару глубоких затяжек и убирать ее уже как-то не собираюсь.

Надо бы все-таки сходить в тамбур, покурить, пока еще любимое и родное правительство это самое дело вообще окончательно не запретило.

Мудак, конечно, что тут еще сказать...

— Игорян, — уточняю, — это же у тебя от первого брака?!

— Угу, — кивает. — Парень же не виноват, что у него мама дура.

Я вот даже и теряюсь немного.

Сам вторым браком женат, и у самого — ну точно такая же жизненная история.

Один в один.

— Ну, да, — тяну.

Глебушка хихикает.

— Славкин! — командует. — А что сидим, кого ждем?! Нормальные-то пацаны посидят-посидят, да и выпьют маленько...

...Подняли по третьей.

Молча, разумеется.

Мы с Лариным в одних и тех же войсках служили, у дяди Васи, там про третий тост объяснять никому ничего не надо.

Славян не служил, конечно, но с нами — уже привык.

Выпили.

Закусили чем бог послал.

— Ладно, — поднимаюсь. — Пойду я в тамбур, отправлю организм никотином. Не балуйтесь тут без меня...

Глава 5

...Я вот вообще не понимаю, кстати, как буду ездить в поездах, когда в них запретят курить окончательно.

Даже, вот, подумать боюсь.

И дело тут даже не в том, что «не утерпишь»: эта-то проблема как раз вполне себе даже и решаемая.

Те же электронные сигареты, да и открытое окно в сортире еще пока что никто не отменял.

Но — вот так постоять в тамбуре в одиночестве, слушая стук колес и разглядывая проносящиеся в ночной темноте огоньки грустных северных полустанков, я уже не смогу.

Просто — повода больше не будет.

А жаль...

...Потому как не знаю, как у вас, а у меня — именно вот в такие моменты по-настоящему хорошо думается.

В том числе и о стране, в которой мы все с вами живем.

Нет, правда.

Бесконечность пространств, сумеречное спокойствие лесов, однообразие полустанков или, как сейчас, ночью, тревожная желтизна пристанционных огней под монотонную музыку стука колес и качающийся вагонный пол под ногами — это едва ли не лучший фон для одиночества и понимания, которое только и возможно при одиночестве. Поезда вообще изначально заражены экзистенциализмом, а курящие тамбура тем более: жесткая замкнутость железной коробки, помноженная

на пронсящуюся за окном бесконечность, способствуют погружению в себя, одновременно тревожа и успокаивая.

Особенно после третьей рюмки, ага.

А после пятой так вообще возникает риск впасть в меланхолию, с переходом, после седьмой-восьмой, в слегка пошловатую сентиментальность. И вам после этого только и остается, что допитья до полного катарсиса.

Шучу-шучу.

Просто в этой жизни хватает вещей, от которых только ирония и спасает.

И — более ничего.

Ибо верхние пуговицы у рубашки, безусловно, можно и нужно время от времени расстегивать, но человек, постоянно расстегнутый до пупа, теряет стиль: и прощать себе такого нельзя, потому как это прямой путь к деградации, поскольку в определенном возрасте утрата стиля начинает грозить потерей самого себя, и это начинаешь чувствовать как никогда остро и наверняка...

...Покурил.

Уткнулся слегка разгоряченным лбом в холодное оконное стекло. Ай, думаю, какие мы все-таки молодца, что снова туда выбрались.

Ай, молодца...

...В купе, когда я вернулся, уже вовсю спорили про Украину.

Вот сколько не езжу последнее время по России — всюду говорят о войне.

И хорошо, кстати, что пока еще только говорят.

Когда я вошел — замолкли.

Просто у каждого своя работа, а в доме повешенного о веревке как бы не дискутируют, да...

— Гкхм, — наконец-то прокашливается Славян.

Я киваю.

— И о футболе, — говорю, — тоже ни слова. В гробу я их, мать, через поперечную, видал. Обо всем остальном — да сколько вам будет угодно...

— Не понял? — удивляется Глеб. — А при чем тут футбол?

Я хмыкаю.

— А при том, что сольют наши на чемпионате мира, — кривлюсь. — Позорно и скучно сольют. Особенно если без Широкова. Я поэтому сейчас с вами тут. В поезде на Кольский еду. А не на самолете в Бразилию лечу.

— Да, — вздыхает Славян, — я, в общем, тоже...

Покривились, пожали друг другу руки.

Славка принялся разливать.

— А скажи, — все-таки решается, — Валерьяныч. Чё там в ваших верхах по Украине-то слышно? Ну ведь все равно в покое не оставим. Будем, как твой любимый кот, вокруг сметаны ходить. Так что лучше уж тут, в поезде поговорить. И ехать себе с чистой головой дальше на Кольский, как считаешь?!

Я вздыхаю.

— Это, — интересуюсь ехидно, — в каких «верхах»? Ты отечественную журналистику, что ли, в виду имеешь?

Он кривится, подмигивает:

— Знаем мы, — говорит, — твою «журналистику», Валерьяныч...

...Знает он, думаю.

Убивать таких «знатоков»...

Но в ответ только вздыхаю:

— Если б, — говорю, — ты, Славка, реально что «знал», ты б меня сейчас вообще ни о чем бы и не спрашивал. Потому как был бы ты тогда под очень, извини меня, даже и серьезной подпиской...

Посмеялись.

Я взял ломтик сала, завернул в него разрезанную пополам дольку чеснока, макнул в горчицу, положил на кусок черного хлеба.

Поднял рюмку:

— Давайте, — говорю, — парни, для начала выпьем. За то, чтобы дрянь, которая шагает сейчас по украинской земле, никогда не пришла на нашу...

...Ларин покивал, пожевал губами.

Славка просто выпил.

Согласился, значит.

Да и у меня водка тоже как-то очень по-доброму провалилась.

Добавил к сооруженному бутерброду ломтик мало-сольного огурца, зажевал, горчица пряно обожгла рот.

Подумал.

Соорудил следующий и сразу же после этого понял, что что-то пошло не так.

В смысле, — есть как-то сразу и неожиданно — захотелось.

Нда.

Ну, да ладно, может быть, чуть попозже...

...Гляжу, а парни — молчат.

Смотрят.

Ждут.

Надо все-таки, стало быть, отвечать.

Даже если и не хочется...

— Плохо там все, — говорю, — мужики. Очень плохо. Там, похоже, теперь только война и будет. Долгая, гражданская и настоящая...

Глеб мотает головой.

Сглатывает.

— Вот так вот, значит, — тянет, — говоришь...

Я — только киваю.

Глебушка отбирает у Славки бутылку и начинает решительно разливать по следующему «дозняку».

— Нас, — даже не спрашивает, утверждает фактически, — естественно, тоже коснется?

Тут даже Славян фыркает.

— Нет, — кривится, — блядь. Нам дадут в стороне по-
стоять. Ага...

Смеемся.

Негромко и не очень весело.

Но — смеемся.

А что нам, плакать, простите, что ли?!

Лучше уж — если так...